

Выйдя из комнаты Гарри, Гермиона вернулась в свою комнату старосты и положила книгу на тумбочку. Она тяжело рухнула на кровать и закрыла лицо руками, вспоминая отчаяние, написанное на его лице в тот момент, когда она уходила. Этот взгляд разбил ей сердце...

Да, наверное, она не чувствовала к нему любви, но каким-то образом Гермиона знала, что все же еще что-то осталось... Она знала, что все еще любит его, но эта любовь казалась призрачной, почти забытой, быстро угасающей мечтой, детали которой с течением времени становились все более размытыми. Ее мозг подсказывал ей, что она все еще любит его, все еще заботится о нем, хотя ее сердце, казалось, совсем забыло о нем...

Она попыталась вспомнить, что пережила всего несколько часов назад. Вспомнила тоску, которая пылала в ее душе, когда она остановила его в коридоре; гордость, которую она чувствовала из-за его намерения удочерить Котоне, гордость за то, что он так сопереживал гоблинам и домовым эльфам... Она вспомнила, как у нее перехватило дыхание, когда он наклонился к ней; вспомнила нежную твердость его рук на ее талии, заставившую ее сердце трепетать. Как все это могло так быстро исчезнуть? Как эти чувства могли испариться, как будто их никогда и не было? Это не было похоже на чувство разрыва с кем-то, хотя у нее был и не такой богатый опыт в отношениях с парнями... Это было больше похоже на печаль или, может быть, сожаление от того, что ей внезапно вспомнилась давно забытая старая школьная драма... В любом случае это было страшно.

Была и еще одна вещь, мучившая Гермиону в течение дня — случайные, непрошенные воспоминания, которые неожиданно мелькали в ее голове. Странно было то, что она узнавала обстоятельства прошедших событий, но сейчас они представляли перед ней так, как будто она видела их чужими глазами. Румянец залил ее щеки — всплыло яркое воспоминание о том, как она крепко обняла Гарри после первого испытания Турнира Трех Волшебников; но сейчас она видела это через разорванный шов в медицинской палатке... Воспоминание исчезло так же быстро, как и появилось.

Гермиона глубоко вздохнула, встала с кровати и вышла из спальни. Она тихо проследовала через замок и вышла из дверей главного входа на улицу. Через несколько минут она уже стояла прямо у ворот. Гермиона на мгновение оглянулась на замок и увидела, как последние лучи солнца исчезают за каменными стенами Хогвартса; затем она испарилась с громким хлопком. Она выбралась из сарая на заднем дворе своего дома на улице Святого Иосифа и быстро направилась через широкий внутренний двор к раздвижным дверям, ведущим на кухню.

Гермиона вошла в погружающийся во тьму дом и прошла по тихим комнатам, лишь на мгновение задержавшись в гостиной, взглянув на старые напольные часы, стоявшие между парой заставленных доверху книжных полок. Было начало восьмого; конечно же, ее родители все еще были на работе в больнице... Она поднялась в спальню и поприветствовала Живоглота и Хедвиг, которые, казалось, были очень рады ее видеть. Живоглот обвился вокруг ее ног и удовлетворенно мурлыкал, а Хедвиг соскользнула со своего места, подлетела и села на плечо Гермионы. Белоснежная сова издала низкое жалобное уханье и уткнулась головой в копну волос Гермионы.

Гермиона нежно погладила совиные перья и сказала ей:

— Гарри сейчас в Хогвартсе, но я правда не знаю, как долго мы там пробудем... Ты хочешь с ним увидеться, или предпочитаешь остаться здесь? Я знаю, что здесь раздолье для охоты, и мы, скорее всего, все равно сюда вернемся, по крайней мере, на время...

Хедвиг снова грустно ухнула, но слетела с плеча Гермионы и уселась обратно на свою жердочку. Гермиона каким-то образом понимала, что сова скучает по Гарри, но, похоже, та хотела его дождаться. Гермиона наполнила ее мисочку свежими лакомствами, а затем обновила защитные чары на своем окне; и только после этого вытащила из шкафа свой чемодан, собрала несколько комплектов одежды, обуви и нижнего белья и упаковала их. Затем она уменьшила чемодан и положила его в дорожную сумку, вместе с туалетными принадлежностями и свежими полотенцами.

У нее в голове промелькнуло еще одно странное короткое воспоминание, когда она застегивала свою сумку. Она смотрела, как она сама крепко держится за Гарри; ее глаза были зажмурены, а ее лицо прижалось к его спине, и руки крепко обхватили торс... В этот момент они летели на гиппогрифе Клювокрыле мимо окна гриффиндорской башни. Но она как будто смотрела на эту сцену из самой башни... Это было очень короткое воспоминание, но такое яркое, как если бы оно происходило прямо у нее на глазах. Она затрясла головой, словно пытаясь избавиться от него, а затем подняла сумку с кровати.

Гермиона отнесла сумку в комнату для гостей, где Гарри провел прошлую ночь, чтобы забрать и его чемодан, доставленный Орденом из больницы Святого Мунго. Убедившись, что все его вещи собраны и уложены, она уменьшила его и положила в сумку вместе со своим собственным.

Когда она повернулась, чтобы выйти из комнаты, то заметила коробку Гарри со свитками, которая, по словам Тонкс, ужасно его расстроила... Она взяла коробку, отнесла на кровать, села и начала просматривать документы. Гермиона была очень умной ведьмой для своего возраста, но когда дело доходило до юридического и финансового мира волшебников и магглов, она совершенно терялась. Она подумала, что многие документы выглядят так, как будто это своего рода финансовые отчеты, инвестиционные портфели и, возможно, какие-то балансовые отчеты по инвестиционным активам; но она совершенно не понимала, что же они означают. Она предположила, что в документах содержалась информация о том, что находилось в хранилище Гарри до того, как его дядя позаботился о своем будущем за счет племянника.

Она не смогла подавить ненавистное рычание, вырвавшееся у нее из груди при этой мысли.

Некоторые из документов, которые она действительно понимала, были описанием собственности семьи Поттеров. Она перебрала все эти бумаги. Ей показалось странным, что дом на площади Гриммаулд-Плейс в Лондоне не указан в описании недвижимости... Гарри сказал ей, что он владеет домом и имуществом на Тисовой улице, но она почувствовала какое-то странное недоверие, когда прочитала прикрепленную к этому документу страницу, в которой говорилось об огромной ежемесячной выплате, поступающей из семейного хранилища Поттеров на содержание этого дома. Выплата предназначалась Дурслям, и они должны были оплачивать коммунальные услуги, а так же позаботиться о содержании Гарри и оплачивать все его расходы. Сумма составляла более четырех тысяч фунтов в месяц, за вычетом налогов.

Она знала, что Гарри владеет домом в Суррее, в котором жили Дурсли; но она понятия не имела, что им на самом деле очень хорошо платили за то, чтобы они заботились о Гарри. В ней закипела бурлящая ненависть к семье, которая так жестоко обращалась с одним из ее членов... Теперь она могла понять, почему Гарри пришел в такую ярость, когда обнаружил их гнусную двуличность. Из очень немногих подробностей, которые он рассказывал о своей жизни с Дурслями, она вспомнила, что они обычно не давали ему еды в течение нескольких дней, запирали его на несколько недель в этой вонючей кладовке и постоянно говорили, что он является для них тяжелым финансовым бременем. Она лично была свидетельницей плачевного состояния одежды Гарри — и сразу вспомнила все обноски, доставшиеся Гарри от его тучного кузена Дадли. Ей было до тошноты противно, что кто-то мог так обращаться с ребенком, не говоря уже о том, что этот ребенок — кровный родственник...

Гермиона покачала головой и быстро встала с кровати. Всего мгновение — и она перестала жалеть Гарри... Ему не нужна была ее жалость, ему требовались ее помощь и понимание! Она давно отказалась от дурной привычки жалеть саму себя, оплакивая свое собственное одинокое детство, зная, что это не помогает. У нее было все, что она хотела, пока она росла, за исключением родительской любви, которую она так жаждала; но это, безусловно, было лучше, чем детство Гарри. Сейчас она была уверена как никогда, что он больше не почувствует это отчаяние, если она в силах чем-либо ему помочь...

Она положила документы обратно в коробку, взяла ее вместе со своей сумкой и вышла из комнаты. Когда она дошла до конца лестницы, то увидела, что в кабинете ее родителей горит свет. Гермиона тихонько постучала в дверь и вошла, услышав, как отец пригласил ее в комнату.

Ее родители сидели за своими столами, листая документы, и жевали сэндвичи, которые лежали на тарелке между ними. Отец оторвался от работы и одарил ее одной из своих редких улыбок.

— Привет, тыковка, мы не знали, что ты дома, — сказал отец. — Утром в банке все прошло хорошо?

Гермиона улыбнулась ему в ответ и сказала:

— Да, все прошло хорошо. Я хочу еще раз поблагодарить вас за то, что вы позволили нам использовать эти деньги; вы даже не представляете, насколько это важно.

Гермиона заглянула в коробку, которую несла, и после коротких внутренних колебаний приняла решение:

— Не мог бы ты сделать мне одолжение просмотреть эти документы и сказать, что все они означают? Я почти уверена, что это документ о поместье Гарри, которое его дядя украл у него прошлой весной... Я почти поняла суть дела, но многие финансовые отчеты для меня просто темный лес.

Она поставила коробку со свернутым пергаментом рядом с тарелкой сэндвичей. Алекс вытащил один из свитков, открыл его, просмотрел и передал жене, сказав:

— Джейн, это из области юриспруденции, — он развернул еще один и, бросив на него взгляд, положил на свой стол со словами: — Инвестиции.

Алекс быстро рассортировал пергаменты на несколько стопок, и Джейн досталась работа со всеми юридическими документами, а также с документами о наследстве. Она схватила одну из бумаг и начала вводить цифры в наспех созданную на ее компьютере электронную таблицу. Ее глаза не отрывались от различных документов, а руки ловко перемещались по клавиатуре; в то же время она объясняла Гермионе, что именно означали эти цифры, с которыми она сейчас работала.

Затем Джейн начала внимательно вчитываться в каждый лист. Иногда она выполняла поиск информации на компьютере, а иногда молча подходила к одному из множества книжных шкафов, стоящих в кабинете, и просматривала какой-нибудь справочник.

Спустя час Алекс уже распечатывал множество страниц, а Джейн заканчивала с последними юридическими документами. Алекс вытащил последнюю страницу из принтера. Он быстро просмотрел ее, прежде чем взглянуть на Гермиону, и спросил:

— Так, ты хочешь знать что-то конкретное или краткое изложение того, что это все означает?

— Самую суть, — заявила Гермиона, злобно нахмурившись, — я поняла, что у него осталась кое-какая собственность, но все-таки — сколько денег было у него украдено?

— Что ж, эти отчеты были сделаны более семнадцати лет назад, и они охватывают различные доходы от инвестиций, показывают процентные ставки по каждому из его активов; а также различные автоматические расходы на содержание собственности и обучение Гарри. Кроме того, здесь указаны суммы, идущие на обслуживание активов и управление имуществом. Если предположить, что процентная ставка с годами не менялась, я полагаю, что общая сумма средств, которые находились в семейном хранилище Поттеров, составляла где-то около двухсот семидесяти трех миллионов в виде ликвидных активов.

Гермиона несколько секунд тупо смотрела на отца, прежде чем недоверчиво спросить:

— Что? Ты сказал — двести семьдесят миллионов фунтов?

— Нет. Я сказал двести семьдесят три миллиона галеонов. Учитывая, что галеон составляет примерно пять фунтов, и принимая во внимание стандартную пятипроцентную комиссию, которую Гринготтс взимает за обмен между фунтами и галеонами, которую, честно говоря, мы всегда считали слишком высокой, это выходит...

— Один миллиард двести девяносто шесть миллионов семьдесят пятьдесят тысяч фунтов, — закончила Гермиона благоговейным шепотом. Ее лицо злобно нахмурилось, и она закричала: — Его дядя украл у него более миллиарда фунтов!

— Невероятно! — вмешалась Джейн: — Если политика Гринготтса не изменилась за последние двадцать лет, никто не может посягать на содержимое семейного хранилища Поттеров, за исключением автоматического снятия средств на содержание собственности и выплат, которые были согласованы при первоначальном подписании документов. Гарри и его доверенным лицам были доступны лишь те деньги, которые находились в хранилище доверительного управления, и они предназначались на его воспитание. В твоей стопке есть доверенность, Алекс?

Алекс перетасовал несколько страниц распечатанного отчета, прежде чем найти нужную.

— Ах, да, из семейного хранилища в хранилище доверительного управления поступал ежегодный взнос в размере пятидесяти тысяч галлеонов. Учитывая тот максимум, который он мог бы потратить, выходит около восьмисот тысяч галлеонов; но похоже, на тот момент в хранилище было намного меньше... Твой парень такой расточительный?

Темная тень отразилась в глазах Гермионы, когда перед ее мысленным взором промелькнул образ одинокого полуголодного мальчика, запертого в маленькой кладовке.

— Ты что, шутишь? Он всю жизнь воспитывался в крайней нищете. Я не знаю, что меня больше злит: эмоциональное насилие, которое ему пришлось вынести, или физическое, нанесенное ему со стороны его дяди и двоюродного брата; или, может, тот факт, что они имели наглость украсть у него то, что, по их мнению, принадлежало их семье? А затем они просто собрали свои вещи и бросили его! Они переехали из своего дома в Суррее и исчезли со всеми его деньгами!

Второй раз за день Гермиона почувствовала комок в горле и подступающие к глазам слезы из-за ситуации, в которой оказался Гарри.

— Он вообще не собирался нам рассказывать. Когда он, наконец, рассказал нам, что произошло, он не был расстроен, что его деньги были украдены, и не переживал из-за того, что он больше ничего не сможет купить, он боялся, что я... что мы будем смотреть на него иначе... Он думает, что остался без гроша... — слезы текли по лицу Гермионы ручьем, когда она, наконец, продолжила: — Я нашла это в его доме в Суррее. Гарри готовил его к продаже, чтобы он мог в этом году пойти в школу! Я даже не могу описать, в какой ярости я нахожусь из-за этих его «кровных» родственников... — затем Гермиона, спохватившись, рассеянно добавила: — И он мне не парень.

Гермиона заметила озадаченные взгляды, которые Алекс и Джейн бросили друг другу, но она была слишком смущена открытием такого несметного богатства Гарри, чтобы задавать им вопросы. Алекс сказал:

— Ну, ликвидные активы в его семейном хранилище составляют лишь небольшую часть его состояния.

— Часть? — осторожно спросила Гермиона. — Что ты имеешь в виду?

Алекс перетасовал в руках несколько бумаг, прежде чем найти нужную.

— Большая часть состояния Поттера связана с корпоративными инвестициями. Насколько я могу судить, его семье принадлежала большая часть акций различных компаний, многие из которых являются маггловскими корпорациями — в них он владеет контрольным пакетом акций. А еще компании по производству метел «Fly By Knight», «Royal Reagents Apothecary Supply Company» и «Cromwell's Custom Cauldrons», и это лишь часть из них... Что касается маггловских активов, похоже, семья Поттеров также активно инвестировала в британскую автомобильную промышленность. Видимо, Гарри имеет довольно большую долю в «Lotus Motorcar Company», а также в компании «Aston-Martin». Конечно, эта информация очень старая, возможно, семейный брокер уже давно продал акции, и это было бы очень здорово для роста портфеля, ведь он мог получить за них огромную сумму... В любом случае, я осмелюсь предположить, что твой парень, похоже, станет одним из самых богатых людей в Великобритании, когда достигнет совершеннолетия.

— Это невероятно, — прошептала Гермиона, мокрыми от слез глазами просматривая страницу, которую вручил ей отец, — Гарри и понятия не имеет, сколько он получит на следующей неделе в день своего рождения... И он не мой парень. Что ж, сегодня вечером или, может быть, завтра мы будем в Хогвартсе. Но это уже совсем другая история, — произнесла Гермиона.

Затем она стала рассказывать родителям, что школа вновь откроется в сентябре. Добавила, что и ей, и Рону были вручены значки старост; и как Гарри, чтобы иметь возможность продолжить обучение в школе, был принят на должность Профессора защиты от темных искусств.

— Что ж, мы бы хотели встретиться с этим твоим парнем, — небрежно заметила Джейн.

— Мы действительно останавливались здесь прошлой ночью. Когда эти люди уехали оттуда, они забрали всю мебель в его доме, у него там даже не было кровати, поэтому я доставила его сюда из Суррея. Я была уверена, что вы бы не стали возражать, если бы он остановился в одной из гостевых комнат, и он мне не парень! — воскликнула Гермиона. — Теперь вы оба решили меня добить!

— Если он не твой парень, то он должен им стать, — вздохнула Джейн, передавая коробку Гермионе, — Ведь он очень важен для тебя, и ты испытываешь к нему чувства; это очевидно, судя по тому, что ты нам писала о нем в письмах из школы... Да и вообще, нам трудно назвать имя кого-то из твоих школьных друзей, кроме того парня — Рона, который тебя так раздражает... Кроме того, этот Гарри — единственный человек, которого ты когда-то вообще упоминала в своих письмах.

Гермиона нахмурилась и почувствовала, как ее лицо покраснело от смущения, потому, что

мать была права — Гарри и Рон были ее единственными школьными друзьями; до этого момента она вообще не осознавала, что никогда не упоминала имя Рона в своих письмах. И конечно, родители восприняли ее румянец как подтверждение отношений между Гарри и их дочерью... Но Гермиона уже начала злиться на них из-за такой настойчивости.

Гермиона поблагодарила своих родителей за то, что они нашли время, чтобы помочь ей, и сбежала, решив отправиться на площадь Гриммаулд-Плейс, чтобы забрать оттуда сундук Котоне. Она все еще чувствовала себя виноватой из-за мысли, что могла причинить вред этой маленькой девочке... Она вошла в мрачный старый особняк и задумалась, где же, по мнению Рона, может быть хорошее укрытие. С понимающей улыбкой она тут же прошла в кухню и открыла небольшой холодильник, где обнаружила сморщенный чемодан и сумку с кучей разных продуктов. Она усмехнулась, увидев, что Рон предусмотрительно заполнил холодильник, чтобы подготовиться к их неизбежному пребыванию здесь. Она положила чемодан в сумку и вышла из кухни.

Гермиона осторожно пересекла холл, стараясь не потревожить портрет миссис Блэк. Она остановилась, когда подошла к входной двери, и посмотрела на часы. Она знала, что сказала Гарри, что вернется через несколько часов, но также знала, что он не будет сильно беспокоиться об ее отсутствии... Она отвернулась от двери и пошла вверх по лестнице, следуя в библиотеку на втором этаже.

Когда она вошла в библиотеку, в ее голове всплыло еще одно воспоминание. Она наблюдала за собой из-за книжных полок в библиотеке Хогвартса; скорее всего, это был четвертый курс, когда они искали способы, с помощью которых Гарри сможет дышать под водой. Гарри сидел за столом, а она склонилась над его плечом, указывая на что-то в большой книге, лежащей перед ним. Он отвернулся от книги, чтобы взглянуть на нее; она помнила, что их лица были достаточно близко, совсем чуть-чуть — и они могли поцеловаться... Это было такое смутное, невинное воспоминание, но она могла видеть, что с точки зрения того, чьими глазами она сейчас на себя смотрела, это выглядело довольно интимным. И снова ей пришлось вытряхнуть это воспоминание из головы, прежде чем она вошла в библиотеку Блэков и начала просматривать книжные полки в поисках нужных имен.

Гермиона, сердито глядя на книгу, которую сейчас читала, услышала, как старинные часы в гостиной пробили три раза. Она взглянула на часы, удивляясь, как быстро пролетело время, затем закрыла книгу и положила ее на стопку книг, которые уже просмотрела. Она ожидала, что библиотека Блэков будет забита книгами, рассказывающими о чистоте крови и сохранении родословной, и несколько не разочаровалась.

Она никогда раньше не листала книги по этой теме, полагая, что это будет не что иное, как фанатичные бредни и предвзятые учения, подходящие только для таких людей, как Долорес Амбридж или Малфои... Она была потрясена, обнаружив, на какие невероятные меры шли так называемые «чистокровные» семьи, чтобы сохранить свой род. Гермиона также пришла к выводу, что причина того, что так много семей с «чистой кровью» были глубоко погружены в Темные искусства — это была осознанная необходимость сохранить свой род. В каждой книге, которую она прочитала, почти все способы борьбы с «угрозами чистоте линий» включали в себя ту или иную форму Темной магии или некромантии. В этих книгах абсолютно не стеснялись в самых мельчайших деталях объяснять ритуалы, лежащие в основе Темной магии. Фактически, за те шесть часов, которые Гермиона только что провела в библиотеке, она узнала

о Темных искусствах гораздо больше, чем за все время, проведенное в Хогвартсе.

Взмахнув рукой, она скинула со стола стопку наполненных ненавистью книг, и они рассыпались по полу. Она резко встала со стула и стала расхаживать по библиотеке, опустив глаза, тихо негодуя над нелепостью некоторых теорий из прочитанных ею книг. Одно из наиболее безумных утверждений заключалось в том, что в мире существует так называемая «общий фонд» магии, и что с каждым магглорожденным или полукровкой у чистокровных волшебников из него «крадется» магическая сила. Та же самая тема развивалась в каждой книге; все они гласили, что чистокровные линии превосходят остальных во всех отношениях, и самое малое, чего заслуживают остальные — это истребление.

И снова внезапное воспоминание захватило ее сознание... В этот раз она находилась в купе Хогвартс-экспресса. Она сидела рядом с Гарри и тихо читала книгу. У Гарри было странное выражение лица, когда он смотрел на нее, пока она читала... Воспоминание было как будто бы глазами кого-то, кто смотрел на них через стекло... Она вспомнила эту сцену. Это было сразу после второго года обучения, по пути обратно в Кингс-Кросс. В то время она никогда не замечала, чтобы он так на нее смотрел! Она никогда не осознавала, что он вообще на нее пялился! Как она могла вспомнить то, чего никогда не видела?

Гермиона положила руки на спинку стула, опустила голову и помотала ею по сторонам. Она взглянула на часы и, увидев, что уже поздно, решила, что пора возвращаться в Хогвартс; может быть, ей удастся поспать хотя бы несколько часов и забыть эти странные «видения», которые ее мучили.

Когда она уже потянулась к стулу, чтобы забрать свою сумку, она вздрогнула от звука открывающейся за ее спиной двери библиотеки. Она обернулась, инстинктивно вытаскивая палочку. Там, в затемненном дверном проеме стояла худощавая фигура в темно-серой пижаме.

— Привет, — из дверного проема раздался усталый протяжный голос. — Ты разбудила меня. Ты пришла сюда, чтобы меня покормить?

Когда фигура вошла в комнату, она мельком увидела холодные серые глаза со стальным блеском, смотрящие на нее из-под копны взлохмаченных светлых волос.

Глаза Гермионы расширились, когда она узнала глаза этого человека... Не задумываясь, она выкрикнула: «Stupefy!» и увидела, как тело Драко Малфоя тяжело рухнуло на пол.

* * *

Гарри не знал, сколько времени он просидел с маленькой ведьмой на руках, глядя на дверь; он вздохнул и поднялся со стула. Гарри вытащил палочку, превратил диван в маленькую кровать, а затем уложил на нее Котоне. Он достал из шкафа в своей спальне легкое одеяло, накрыл маленькую ведьму и направился к своей кровати. Он разделся, забрался в кровать и вскоре заснул беспокойным сном.

Он сразу увидел все тот же сон... Он снова оказался в коридоре на верхнем этаже в доме на площади Гриммауд-Плейс; он шел по той же пыльной ковровой дорожке к спальне покойной миссис Блэк. Он слышал жуткие звуки капающей воды и тихое хихиканье Гермионы, эхом разносящееся вокруг него. Он остановился перед дверью и медленно открыл ее; он снова увидел плачущую Гермиону, которая стояла на коленях на огромном диване, находящемся в центре комнаты.

Гермиона подняла голову и посмотрела на него своими красными от слез глазами. Ее губы шевелились, она тянулась к нему, но он ничего не слышал, кроме далекого ритмичного капания воды. Ему стало интересно... Почему она плакала? Что она пыталась сказать?

Он попытался войти в комнату, но обнаружил, что не может пошевелить ногами. Казалось, что его лодыжки связаны друг с другом. Он почувствовал волну паники, когда дверь сама начала закрываться... Ему нужно было выяснить, что случилось с Гермионой. Он тщетно пытался сдвинуть ноги с места, но ничего не получалось... Он протянул руки и толкнул дверь, пытаясь не дать ей закрыться. Гарри видел, как Гермиона издала тихий вопль, прежде чем дверь захлопнулась, погрузив коридор во тьму. Его дыхание стало прерывистым, он начал отчаянно колотить в дверь. Он в последний раз ударил кулаком, затем уперся в дверь лбом.

Гарри внезапно почувствовал движение рядом с собой. Он затаил дыхание и услышал грозное рычание откуда-то снизу. Он попытался пошевелиться, но его ноги все еще были связаны.

Он распахнул глаза, когда почувствовал, что задыхается во сне, быстро сел и огляделся. Гарри увидел, как Котоне лежала у него в ногах, свернувшись клубочком, а ее хвост был заправлен под одеяло и крепко обвился вокруг его лодыжек.

Несмотря на то, что ночь была теплой, ее худенькое тело дрожало во сне, а из ее горла вырывались глубокие гортанные стоны.

Гарри осторожно разбудил Котоне. Ее глаза открылись и молниеносно осмотрели темную комнату, пока не упали на обеспокоенное лицо Гарри. Ее взор смягчился, и Котоне тепло улыбнулась Гарри, обнажив ряд острых черных зубов.

Гарри положил руку ей на голову и погладил ее по виску.

— Что ты здесь делаешь, малышка? Ты не хочешь спать на своей кровати?

Ее улыбка дрогнула, она опустила глаза и, с тоской глядя на каменный пол, слезла с его

кровати.

— Извини, Шиши-сан. Я не хотела тебя беспокоить. Я уйду в комнату, чтобы тебе было комфортно.

Она слегка поклонилась ему и повернулась, чтобы выйти из комнаты. Гарри мягко положил руку ей на плечо и сказал:

— Я не сержусь на тебя, малышка, но если мы будем спать в одной кровати, это будет не очень правильно...

Он знал, что она пришла к нему потому, что не хотела оставаться одна, поэтому вылез из кровати и быстро натянул штаны. Он пошел в другую комнату, уменьшил ее кровать и отнес ее в свою спальню; затем поставил ее вдоль стены рядом со своей кроватью и вновь увеличил ее. Она посмотрела в лицо Гарри и одарила его сияющей улыбкой, которая, правда, больше была похожа на угрожающую ухмылку.

Внезапно улыбка в ее глазах исчезла. Ее брови нахмурились, когда она посмотрела на него и прошептала:

— Нанидеска? (1) — Гарри увидел, как ее глаза прошли вдоль невидимой линии от его головы и до потолка, и она издала тихое рычание; Гарри понял, что это было именно рычание...

Она схватила его за руку и потащила к двери:

— Шиши-сан! Ты должен идти! Пожалуйста, поторопись!

Гарри схватил свою рубашку и натянул ее, пока Котоне тащила его прочь из комнаты. Оказавшись в холле, она осмотрела потолок над его головой, словно что-то искала. Она опустила руки на пол и на четвереньках помчалась по коридору к главной лестнице; она двигалась с какой-то невероятной скоростью. Котоне остановилась у края лестницы и оглянулась, глядя, когда же Гарри ее догонит. Он взбежал вверх по лестнице и увидел, что она с нетерпением его ждет.

Когда он приблизился к ней, он увидел, что ее глаза проследили невидимую линию от него и до дальнего конца зала. Она снова помчалась вперед на четвереньках, крича ему:

— Поторопись!

Когда она достигла конца коридора, Гарри увидел, что она внезапно застыла на месте. Ему потребовалась целая минута, чтобы догнать ее, и когда он оказался рядом с ней, он увидел выражение страха в ее глазах; она смотрела на большие двойные двери, ведущие в лазарет.

Он понял, чего она боялась, поскольку лично был свидетелем того, как пациенты нападали на нее... Он наклонился и поднял ее в обычное положение рядом с собой, сказав:

— Не волнуйся, я больше этого не допущу.

Он вытащил палочку из-за пояса и толкнул дверь предплечьем. Он увидел, что почти никто из пациентов не спал, и это было неудивительно; из кабинета мадам Помфри в дальнем конце палаты доносились крики... Многие из людей, лежащих на кроватях, с ужасом то смотрели на Котоне, то переводили взгляд на Гарри, но никто не двинулся с места, потому что он держал свою палочку наготове... Котоне оторвала лицо от груди Гарри и, быстро оглядев комнату, молча указала в направлении крика.

Войдя в кабинет мадам Помфри, Гарри услышал удивленный вздох Котоне. Они увидели кучку рыжеволосых людей, столпившихся вокруг кровати, стоящей у дальней стены. Молли Уизли обнимала своего сына Перси, всхлипывала и что-то бессвязно бормотала... Рон стоял позади своего отца вместе с Фредом и Джорджем, и все они смотрели, как мадам Помфри колдовала над измученным телом Джинни, извивающимся на кровати.

Когда Гарри вошел в кабинет, все взгляды тут же обратились к нему, и, как он и ожидал, его встретили вздохами и пристальными взглядами; все смотрели на маленькую ведьму, сидящую у него на руках. Когда Гарри почувствовал, как Котоне зашевелилась, он опустил ее на пол и увидел, что она с опущенной головой идет к кровати Джинни, стараясь не смотреть на испуганные лица людей, стоящих вокруг. Мадам Помфри жестом остановила Котоне, но, после просьбы Гарри, неохотно позволила незнакомой девочке подойти к кровати.

Джинни все еще извивалась на кровати, ее глаза и рот были широко раскрыты, и она кричала, как будто она находилась под действием проклятия *Cruciatus*. Котоне опустилась на колени рядом с кроватью так, что ее лицо было напротив лица Джинни. Глаза Котоне, казалось, были расфокусированы, когда она смотрела на Джинни; обычно такое выражение лица было у Полумны Лавгуд.

Какое-то время ничего не происходило. Постепенно крики Джинни начали утихать. Хвост Котоне стал подергиваться, а ее руки сжались в кулаки, она сжимала края простыни, на которой лежала Джинни. Из горла Котоне вырвалось тихое рычание, а ее тело начало бешено содрогаться.

Внезапно Джинни тяжело вздохнула и упала без сознания, и в то же время Котоне издала болезненный крик и рухнула на пол. Гарри подбежал, поднял Котоне с пола, и вновь увидел, что из ее глаз, носа и даже ушей течет кровь...

Мадам Помфри осмотрела Джинни:

— Она спит... Я не знаю, как девочка сделала это, но...

Мадам Помфри повернулась к Гарри и увидела, что случилось с Котоне.

— О великий Мерлин! — воскликнула мадам Помфри, быстро выхватив Котоне из рук Гарри.
— Она... она одна из Симпатов Алгеи!

* * *

Джинни Уизли, словно оказалась в ловушке собственного разума; она переживала бесконечный поток воспоминаний, как будто она смотрела на них в Омуте памяти... С каждой сценой, которая вспыхивала вокруг нее, ее гнев разгорался все сильнее, ревность заставляла сердце Джинни сжиматься, а ненависть текла по ее венам, пульсируя в такт сердцебиению.

Джинни вспоминала, как она читала письма своего брата Рона... Она прочитала, как ее Гарри героически взобрался на спину горного тролля и засунул палочку ему в нос, пытаясь защитить свою страшную, заносчивую одноклассницу; и как они после этого стали друзьями... На ее губах мелькнула усмешка при мысли о другой девушке, сближающейся с ее Гарри. Сцена плавно сменилась другой — во втором письме Рон описывал, как Гермиона подожгла плащ профессора Снейпа с помощью заклинания «Bluebell Flame» и, по сути, спасла этим жизнь Гарри. Кровь Джинни закипела от этих мыслей...

Джинни смотрела, как она сама, но немного моложе, подпрыгивает на цыпочках, стоит рядом с матерью на вокзале Кингс-Кросс. Джинни вспомнила, как она закричала: «Вот он! Я его вижу!» Она увидела, как ее брат прошел через барьер вместе с Гарри и «этой». Она смотрела, как Гермиона посмотрела на родственников Гарри, а затем на эту уродливую всезнайку, и на ее лице явно читалось беспокойство... «Она не должна беспокоиться о моем Гарри! Да кем она себя вообще возомнила? Эта уродливая шлюшка не знает его так, как она, не любит его так, как она!»

Воспоминание плавно сменилось, и вот уже Джинни видела кухню Норы, себя саму, совсем юную, в тот день, когда она получила свое первое письмо из Хогвартса... Джинни съежилась, наблюдая, как она уронила со стола свою ложку с кашей при виде Гарри... Когда пришло письмо, она кричала от радости, что теперь они вместе будут ходить в Хогвартс, что она сможет прокатиться с ним на Хогвартс-экспрессе... Она вспомнила, как набиралась храбрости, чтобы поговорить с ним, пока он и «эта» читали списки книг, большинство из которых были составлены Гилдероем Локхартом. Следующая сцена — она наконец-то собралась с духом и, решила заговорить с Гарри, но так и не смогла — ее оборвал Рон, которому пришло письмо от «этой». Она с бурлящим гневом наблюдала, как он читал его вслух; письмо должно было быть адресовано только Рону, но в итоге каждое слово было о Гарри... «Эта» продолжала рассказывать о том, как о-очень беспокоится о Гарри, и хотела сразу получить ответ, и практически потребовала, чтобы Гарри встретился с ней в Косом переулке, чтобы купить им школьные принадлежности! Джинни почувствовала, как ее кулаки сжались от ярости. Это

было единственной заботой этого книжного червя... Гарри, Гарри, Гарри! Ее Гарри!

Следующая сцена, которая сложилась вокруг Джинни, развернулась в Косом переулке. Она увидела себя маленькой, стоящей рядом с матерью и отчаянно вертящей головой в поисках пропавшего Гарри Поттера... Он должен был прибыть к ним из «Норы» с помощью камина. Она наблюдала в воспоминаниях удрученное выражение лица той Джинни, а потом неожиданно заметила Его, стоящего рядом с мужчиной-великаном и невзрачной девицей с длинными передними зубами... Страшененькая шатенка весело подпрыгивала и смотрела на ее Гарри так, как будто она была готова целоваться с ним прямо здесь, рядом с Гринготтсом, у всех на глазах.

Скорость всплывающих воспоминаний все нарастала и нарастала, и каждый раз Джинни была свидетельницей развивающихся отношений между «этой» и мужчиной, предназначенным ей судьбой... Она видела Гарри с Гермионой, прижавшейся к нему на софе перед камином в гостиной Гриффиндора. Видела, как Гарри практически уткнулся лицом в растрепанные каштановые волосы этой дряни, и что-то шептал ей на ухо в коридоре между классами. Джинни вспомнила и о том, как Гарри признался, что целовался с Чоу Чанг; от нее не ускользнул опустошенный взгляд, который на мгновение отразился на лице Гермионы... Воспоминание о том, как Джинни накрыл леденящий ужас при чтении статьи в «Ежедневном пророке» о бурных отношениях Гарри и Гермионы... И вновь она стояла рядом с матерью и смотрела, как Гермиона прикоснулась губами к щеке Гарри на Платформе девять и три четверти...

С каждым воспоминанием, которое переживала Джинни, гнев, боль и отчаяние накапливались внутри нее; все возрастающая агония раздирала ее тело... Гарри только ее! Она так много для этого сделала! Стольким пожертвовала! Она переживала унижение за унижением... Вспомнились все унижительные сцены тех лет, когда она была еще совсем маленькой девочкой — как Гермиона неоднократно ловила ее, шпионившую за Гарри в «Норе», и то дурацкое стихотворение на День святого Валентина... Она потратила каждый сэкономленный кнат, выпрашивала самые редкие ингредиенты у своих братьев-близнецов; и все для того, чтобы приготовить зелье, которое, как ей сказали, гарантированно убедит Гарри в том, что Джинни Уизли — его единственная... Она знала, что все изменится после того, как она станет частью жизни Гарри. Он будет с ней навсегда, потому что он любит ее, она знала это! Это судьба! Она почувствовала это в тот самый момент, когда услышала о «Мальчике-который-выжил!» О ее Гарри! Это точно судьба!

Она перестала осознавать, что вокруг нее происходит... Давно ли? Джинни не знала... Время не имело никакого значения... Ей показалось, что в какой-то момент она слышала голос Полумны, но это было похоже на слабый шепот во время урагана. Она подумала, что, наверное, к ней кто-то прикоснулся, но физически не чувствовала ничего, кроме леденящего холода и онемения. Этот холод был частью ее внутренней пытки. Она не слышала ничего, кроме голосов призраков из ее прошлого.

Перед глазами Джинни возникла очередная картинка из прошлого — Гермиона наполняет кубок тыквенным соком и ставит его на стол около пирога с патокой перед Гарри... Неожиданно это видение начало исчезать в густом дымном тумане... Затем и звук позвякивания серебряных столовых приборов растворился в тишине.

Джинни огляделась на окружавший ее серый туман. Она начала вслепую бежать сквозь него, с каждым шагом пугаясь все больше и больше... Джинни внезапно остановилась, увидев пару ярких фиолетовых глаз, смотрящих на нее из-за облаков. Станный мягкий голос, будто бы эхом разносился вокруг нее. Сначала она не могла разобрать слов, словно они исходили издалека, но они становились все яснее и яснее.

— Следуй за мной. Я отведу тебя домой.

Что-то в этом мягком, размеренном голосе успокаивало Джинни, хотя в нем слышался оттенок неодобрения. Ужас и боль, которые она чувствовала всего несколько мгновений назад, рассеялись... Она медленно шла к этим миндалевидным глазам, которые, казалось, смотрели на нее с сочувствием и пониманием.

Пепельно-серый туман начал темнеть, приобретая оттенок грозных облаков, а затем превратился в черноту, и единственное, что она могла видеть — это фиолетовые глаза, манящие ее за собой. Она почувствовала, как ее охватило умиротворение, а затем чувство крайней усталости овладело ее сознанием, и она начала погружаться в глубокий безмятежный сон. Она услышала последние слова мелодичного бестелесного голоса, прежде чем тьма полностью окутала ее:

— А теперь отдохни; тебе придется за многое ответить, когда придет дневной свет...

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818738>